

"Договорились", - быстро говорит Сасукэ. "Мне составить контракт?"

Дзюнин смеется. "Нет, давайте назовем это джентльменским соглашением. А теперь приступай к заговору. А я пойду отвлеку твоего сенсея". Он делает два размытых шага вперед, снова опускается рядом с Какаши и тут же завязывает разговор.

Трое генинов на мгновение застывают в изумлении.

"Твой кузен просто потрясающий", - говорит Сакура через некоторое время.

"Самый потрясающий в мире", - с ухмылкой соглашается Наруто. "А ты знаешь, что он записан в Книгу Бинго? А еще он завалил пятерых пропавших нинов ранга S, когда был охотником за головами".

"Почему он не мог быть нашим сенсеем?" пробормотал Сасукэ, искренне огорчившись. Каким-то образом, не осознанно, он провел последние две недели с пересадками в квартире Курамы и Наруто, сначала на диване, а потом разделил кровать с Наруто, когда диванные комья окончательно вывихнули его позвоночник. И хотя их нельзя назвать нормальной семьей, которую Сасукэ потерял пять лет назад, они... хорошие. С ними ему хорошо, потому что Курама добр, щедр и ласков и с ним, и с Наруто, и уделяет время их обучению, и готовит для них, когда у него нет обязанностей.

Он... не такой, как потерянная семья Сасукэ, но в нем есть что-то от брата, которым был Итачи, только... проще. Между ними нет ожидания соперничества, как это было, когда отец Сасукэ смотрел на него и Итачи, нет гениального первенца и разочаровывающего второго сына. Есть только Курама, Наруто и Сасукэ, живущие в квартире, рассчитанной на двоих, и создающие нечто, подозрительно похожее на дом.

Сасукэ помнит насмешки брата о силе и слова Курамы о том, что нужно смотреть под ноги, и, глядя вокруг себя, на бывшую фанатку-медика и бывшего мастера печатей, ставшего последним, он думает. Немного, может быть, исподтишка, но он думает о своей жизни сейчас и сравнивает ее с пустотой месяц назад.

Теперь я сильнее, думает он, вспоминая последнюю командную тренировку, где Наруто застилал местность дымом, а Сакура называла позиции противника сверху, и Сасукэ, доверившись им обоим, бросал сюрикены и кунаи в их сторону и каждый раз попадал в цель. Здесь я сильнее, но...

Но что это значит для его мести? Что это значит, когда он уже не совсем уверен, что ему вообще стоит мстить? Сасукэ достаточно самосознателен, чтобы понять, что он всегда был сосредоточен на мести, а не на скорби, что часть его стремления убить старшего брата была отчаянным желанием заглушить боль.

Или вы действительно думаете, что тот самый брат, который катал вас на свинке, когда вы

слишком уставали, чтобы ходить, вдруг сорвался и убил всех без причины?

А что, если Сасукэ все эти годы чего-то не хватало? Он, как никто другой, знает о возможностях Шарингана; ничему из того, что он видел той ночью, нельзя доверять, хотя он никогда не думал об этом до слов Курамы. Может быть... может быть, есть какая-то причина, помимо того, что Итачи испытывает его силу.

Сасукэ отчаянно хочет, чтобы она была.

"Вы рано встали, Какаши-сан". Слова стражника вырывают его из раздумий, и Сасукэ поднимает взгляд. Токубецу-дзюнин с мечом на спине, выглядящий тошнотворно, с выражением скепсиса рассматривает их разношерстную группу.

"Учебная поездка", - весело говорит Какаши, протягивая пачку бумаг. "Опять застрял в карауле, Хаяте?"

Токудзё кашляет в рукав, звук получается влажным и дребезжащим, и кивает. "Доктор не хочет, чтобы я занимался чем-то напряженным, пока не начнет действовать новое лечение", - жалобно произносит он, затем отдает бумаги обратно и обмахивается ими. "Удачи, Какаши-сан, команда 7".

Но Курама останавливается рядом с Хаяте, пропуская джонина вперед. "Знаете, Хаяте-сан, - осторожно произносит он, негромко, так, что Сасукэ только улавливает его, проходя мимо. "Несколько дней назад Цунаде-сама была замечена в Югакуре. Какие бы проблемы ни были у нее с Конохой, они не распространяются на нин Конохи, и особенно на больных нин Конохи. Если вы навестите ее... нет никакой гарантии, что она сможет помочь, но это шанс".

Больной на мгновение уставился на Кураму, явно шокированный, а затем опустил голову. "Югакуре, говорите?" - пробормотал он, и в его нарисованных чертах мелькнуло что-то болезненное. "Я... благодарю вас, джоунин-сан".

"Курама", - поправляет рыжий с мягкой улыбкой. "Узумаки Курама".

"Гекко Хаяте", - отвечает токудзё, покачивая головой. "Очень приятно познакомиться с вами, Курама-сан".

"Курама-кун! Если ты отстал, это не значит, что ты должен оставаться в стороне!" восклицает Какаши из-за ворот. "Ты же не хочешь потратить это прекрасное утро впустую?"

Курама нахмурился так, что Сасуке стало стыдно. "Ты так говоришь, будто я могу видеть что-то за пределами темноты", - жалуется он, проходя мимо трех генинов, чтобы присоединиться к их сенсею. "Какого черта мы должны уходить прямо сейчас? Разве рассвет не был бы лучше? Или даже "смутно ближе к рассвету", а не "час ведьм"? Я уже говорил, что ненавижу тебя?"

Какаши, не задумываясь, достает свою дурацкую оранжевую книжку и зарывается в нее носом. "Маа, маа, Курама-кун, ты такой энергичный по утрам", - весело говорит он. "Ну, тогда пойдем".

Рычание Курамы эхом отдается в темноте, как живое существо, - слишком глубокая нота для человеческого горла, и рыжеволосый джоунин дергает рукой в сторону меча, явно сдерживая свои убийственные порывы.

"Веди за собой", - рычит он, словно угрожая. Сасукэ не совсем уверен, что это не так.

Хаяте смотрит вслед им, потом снова на генина. "Удачи", - снова говорит он, и на этот раз его слова ближе к сочувствию, чем к вежливости.

Сасукэ вздрагивает, делает укрепляющий вдох и идет вперед. Наруто и Сакура шагают так, словно идут на войну, и никто из них не уверен, что это не так.

Какого черта они связались с этим сумасшедшим сенсеем?

Первое, что делает Какаши за день - а это действительно день, - это ведет их через гору.

Это даже не красивая гора, а одна из тех нелепых, где все деревья растут под прямым углом, и одного неверного шага достаточно, чтобы они с проклятиями скатились на полчаса назад по тропе. Не то чтобы это можно было всерьез назвать тропой. Это больше похоже на то, как Какаши выбирает направление и говорит: "О, это выглядит забавно! Поехали!".

Сакура научилась ненавидеть эти три слова со страстью тысячи горящих солнц.

Она зарычала, когда камешки начали скользить под ее сандалиями, и по опыту знает, что если в ближайшие десять секунд не найдет твердой опоры, то окажется в измученной куче у подножия последних деревьев, мимо которых они прошли, примерно в пятистах ярдах ниже. Но других мест, где можно было бы устоять, нет - только вертикальные скалы или еще более коварные участки камня.

Но как раз в тот момент, когда она смирилась с очередными ожогами от гравия и унижительным падением с горы, сильная рука подхватывает ее за платье, и, проворно связав, спаситель опускает ее на небольшой участок устойчивой земли.

Двоюродный брат Наруто - святой, и никто и никогда не убедит Сакуру в обратном.

"Курама-кун, - укоризненно произносит Какаши в ответ.

"Ты - мудак", - отвечает Курама, не упуская ни секунды. Он говорит это уже не в первый раз за

сегодняшнее утро, и Сакура не может найти в себе силы не согласиться. Он смотрит на куноичи теплыми голубыми глазами и сочувственно улыбается. "Ты в порядке, Сакура?"

<http://tl.rulate.ru/book/100817/3458561>